

УДК 343.01

*Н.Т. Идрисов****О ПРИЗНАКАХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРЕДПИСАНИЯ В ТЕОРИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

В статье проанализированы признаки нормативно-правового предписания, выделенные самостоятельно на основании существующих в теории права понятий нормативно-правового предписания. Автором представлено собственное мнение о необходимости или отсутствии необходимости признания данных свойств признаками нормативно-правового предписания, проведено соотношение понятий «норма права» и «нормативно-правовое предписание», выделены определения нормативного предписания в социальном и правовом значении.

Ключевые слова: нормативно-правовое предписание, норма права, структура нормы права, структура Уголовного кодекса, структура системы права, правило поведения.

Правовая категория «нормативно-правовое предписание» не является новеллой уголовно-правовой доктрины и являлось предметом многих уголовно-правовых исследований. Изначально данное понятие не имело самостоятельного терминологического значения и понималось в качестве синонима государственного веления и нормы права. В связи с этим ученые использовали его повсеместно как в дореволюционный период [1], в советское время [2], так и в современный период [3–5].

В советский период развития уголовного права проблема признания нормативно-правового предписания самостоятельным элементом системы уголовного права перестала быть предметом научных исследований. Причиной тому стало противоречие одной из фундаментальных доктрин теории права в целом и уголовного права в частности — теории построения системы права на основе нормы права как элементарной неделимой единице. Как отмечает С.А. Маркунцов, признание нормативно-правового предписания начальным элементом системы права неизбежно приводит к понижению теоретического значения категории правовой нормы (в ее классическом понимании), так как правовая норма либо приравнивается к другим правовым веле-

* © Идрисов Н.Т., 2017

Идрисов Наиль Талгатович (nail070@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

ниям, выполняющим вспомогательные функции в системе права, либо перестает восприниматься как первооснова права. Представляется, что именно этот довод не позволил ученым советского периода рассматривать нормативные предписания как самостоятельный элемент системы права, а вынудил предлагать несколько искусственные конструкции [6].

В современный период после принятия нового Уголовного кодекса, последующих его многочисленных изменений все чаще ученые говорят о неустойчивости уголовного законодательства [7]. Одной из причин данного явления считается отсутствие единой правовой концепции нормы уголовного права, как следствие, существование множества коллизионных норм [8]. Данное обстоятельство требует более пристального внимания к проблеме приведения в соответствие положений Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На наш взгляд, решением данной проблемы является признание в системе права наличия нормативно-правового предписания как ее первичного элемента.

На современном этапе развития уголовно-правовой доктрины категория «нормативно-правовое предписание» учеными мало исследована, не выделены ее существенные признаки, не определено место в системе права, а также соотношение исследуемого понятия с существующими устоявшимися правовыми категориями. Таким образом, считаем необходимым выделить существенные признаки нормативно-правового предписания.

Как отмечает С.А. Маркунцов, по сути, нормативно-правовое предписание – это элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативного правового акта [6].

С.С. Алексеев указывал: «...нормативные предписания – это первичная элементарная частица самой правовой материи, с которой совпадает исходная единица правового текста» [2].

По словам А.В. Мицкевича, нормативное предписание – логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательное для других лиц, организаций решение государственной власти [3].

Б.В. Яценко в своих работах использует термины «предписание» и «требование» как синонимы [9, с. 20].

По нашему мнению, необходимо различать понятие нормативного предписания в социальном и правовом значении. В социальном значении с мнением Б.В. Яценко мы не можем согласиться. Рассматривая нормативное предписание как требование, данный автор делает обязательным указание определенного круга лиц, к которым это требование обращено. В свою очередь, нормативное предписание предполагает исключительно государственно-властное решение, т. е. направлено на закрепление правовой идеи, имеющей неограниченное по кругу лиц действие.

Более того, позиция Б.В. Яценко наталкивает на вывод о необходимости выделять регулятивные и охранительные предписания. Ввиду того что нормативное предписание и норма права соотносимы как часть и целое, а также каждое нормативное предписание выполняет функцию элемента нормы права, изменение видов нормативных предписаний повлечет изменение структуры нормы права. С.С. Алексеев, а впоследствии и М.А. Тулиглович выделяют структуру нормы права, которая соответствует и является продолжением позиции Б.В. Яценко. Так, данные авторы отмечают необходимость выделения охранительных и регулятивных нормативных предписаний, развивая при этом теорию четырехчленной структуры нормы права (гипотеза и диспозиция регулятивной нормы-предписания, а также вторая гипотеза и

санкция охранительной нормы) [2, с. 33; 11]. В настоящее время общепринятой считается трехзвенная концепция структуры нормы права, которая, по нашему мнению, не должна быть подвергнута изменениям. Более того, охранительной и регулятивной функцией обладает норма права, нормативное предписание аналогичные функции выполнять не может. На основании вышеизложенного, на наш взгляд, следует согласиться с мнением А.В. Мицкевича, который рассматривал нормативное предписание как решение (веление) органа государственной власти или государственно-властное решение.

При определении нормативного предписания в правовом значении считаем необходимым, несмотря на различие вышеперечисленных определений исследуемого понятия, выделить на их основании общие признаки нормативного предписания.

К данным признакам, по мнению указанных авторов, относятся: элементарность, неделимость, нормативный характер, законодательное закрепление, текстуальная завершенность, логическая завершенность.

По нашему мнению, нормативному предписанию не свойственна логическая завершенность. Определение данного признака в теории права не дано. Однако, как отмечают Т.В. Губаева и А.В. Краснов, в большинстве своем норма права выступает как данность, результат сознательной деятельности уполномоченных органов и должностных лиц государства, но нередко возникают ситуации, когда норма права конструируется и получает свою логическую завершенность в процессе ее применения [12]. Из изложенного следует, что логическая завершенность означает самостоятельность и применимость элемента системы права в регулировании общественных отношений, его конечность и самодостаточность. Общепринято, что самостоятельным элементом системы права в регулировании общественных отношений признается норма. В связи с этим возникает вопрос о соотношении нормы права и нормативного предписания.

Так, по мнению В.П. Коняхина, нормативное предписание – это не норма права, а структурный элемент правовой нормы [13, с. 164]. Как отмечает Д.А. Гарбатович, используемые в теории уголовного права термины «правило поведения» и «предписание» не являются синонимами. Правило поведения включает в себя предписание, как и иные формы уголовно-правового регулирования (запреты, стимулирование, дозволение), а не ограничивается только им [14, с. 40]. С.С. Алексеев рассматривал норму права и нормативное предписание в качестве синонимов [2, с. 83].

Норма права имеет трехзвенную структуру, т. е. три элемента, имеющих разное функциональное назначение и смысловое содержание. Нормативное предписание, как указывает А.В. Денисова, как элементарная частица нормативно-правового акта само по себе не определяет права и обязанности адресатов уголовного закона и самостоятельное регулирование общественных отношений не осуществляет, однако участвует в механизме регулирования нормы в качестве составляющих ее структуры [8]. По словам Т.В. Кленовой, «наделенные специальными функциями: гипотезы, диспозиции или санкции, – правовые предписания, взаимодействуя, образуют самостоятельные уголовно-правовые нормы. Только в системе правовые предписания способны осуществлять непосредственное регулирование общественных отношений и образовывать отдельную норму» [15, с. 158]. По мнению К.В. Ображиева, для урегулирования конкретного уголовно-правового отношения необходимо объединение собственно уголовно-правовых предписаний с предписаниями, выступающими в качестве бланкетной части уголовно-правовых норм, что достигается за счет координационных связей между различными источниками уголовного права. Именно координационные связи обеспечивают согласованное взаимодействие источников с различными функциями, позволяя объединить содержащиеся в них предписания в единый регулятор (полную уголовно-правовую норму, требуемую правоприменителю) [16].

С представленными мнениями нельзя не согласиться, нормативное предписание выступает в качестве части нормы права, в противном случае это противоречило бы определению нормы права как «установленного или санкционируемого государством и обеспечиваемого принудительной силой общеобязательного, формально-определенного правила поведения субъектов, содержащего меру их свободы и ответственности, регулирующего типовые общественные отношения» [17, с. 96]. Необходимость соподчинения одного понятия другому прослеживается и в соотношении социальных значений нормы права и нормативного предписания. Так, правило поведения является более широким понятием по отношению к решению (велению) государственного органа. Отметим, что норма права состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. К каждой функции требуется отдельное решение государственного органа. Данное обстоятельство прослеживается в уголовном праве. Так, в целях одновременного регулирования всех видов уголовных правоотношений гипотезы уголовно-правовых норм установлены преимущественно нормами Общей части УК РФ. Данные нормы являются результатом решения государственного органа и не охватывают правило поведения в целом. Таким образом, решение государственного органа может быть связано исключительно с одним из элементов правила поведения. Поэтому нормативное предписание обоснованно признается частью нормы права.

Таким образом, нормативное предписание не является самостоятельным в регулировании общественных отношений. Нормативно-правовые предписания не расположены текстуально друг за другом, следовательно, при построении нормы права необходимо логически обоснованное собирание предписаний. По этой причине каждое нормативно-правовое предписание приобретает свою логическую завершенность только в пределах конкретной нормы права. Следовательно, нормативное предписание не обладает свойством логической завершенности.

Текстуальная завершенность отражает тот факт, что нормативно-правовое предписание явно выражено в нормативно-правовом акте и имеет явные текстуальные границы. Нормативно-правовое предписание, в отличие от некоторых видов неписаных принципов, прямо следует из текста статьи закона и беспрепятственно может быть отграничено от иного нормативно-правового предписания. Возможность данного разграничения свидетельствует о смысловой завершенности нормативного предписания.

Нормативный характер и законодательное закрепление свидетельствуют о том, что нормативное предписание, выполняя функцию элемента нормы права, в совокупности с иными предписаниями формирует общепринятое правило поведения. Данное правило распространяется на неограниченный круг лиц, закреплено в источнике права соответствующей юридической силы, т. е. имеет внешнюю форму выражения.

Из вышеизложенного следует, что нормативное предписание имеет социальное и правовое значение. В социальном значении нормативное предписание представляет собой решение (веление) государственного органа в отношении неопределенного круга лиц, в правовом значении нормативное предписание — первичный неделимый элемент системы права, выполняющий в качестве элемента нормы права одну или несколько функций (гипотезы, диспозиции, санкции), обладающий свойством нормативности, выраженный в источнике права и отличающийся текстуальной и смысловой завершенностью.

Библиографический список

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть Общая. Лекции. СПб., 1902. Т. 1. 823 с.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.

3. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства // Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М., 1967. 175 с.
4. Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.
5. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003.
6. Маркунцов С.А. О соотношении понятий «уголовно-правовой запрет» и «запрещающая уголовно-правовая норма» // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 122–129.
7. Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. С. 30–32.
8. Денисова А.В. К вопросу о системе уголовного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2013. № 1(13). С. 90–102.
9. Яцеленко Б.В. Реализация принципов законности и вины при квалификации преступлений с бланкетными признаками состава // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4 (54). С. 19–26.
10. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения: монография. М., 2011. 376 с.
11. Тулиглович М.А. Структура уголовно-правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
12. Губаева Т.В., Краснов А.В. Нормы права: теоретико-правовое исследование: монография. М., 2014. 164 с.
13. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
14. Гарбатович Д.А. Уголовно-правовая норма: понятие и признаки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. № 4. С. 38–43.
15. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. 387 с.
16. Ображиев К.В. Структурное строение системы формальных (юридических источников) российского уголовного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 19–24.
17. Ромашов Р.А. Теория государства и права (схемы и комментарии): учебное пособие. СПб., 2000. 140 с.

References

1. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo: Chast' Obshchaia. Lektsii* [Russian criminal law: General Part. Lectures]. SPb, 1902, Vol. 1, 823 p. [in Russian].
2. Alekseev S.S. *Struktura sovetskogo prava* [Structure of Soviet law]. M., 1975, 264 p. [in Russian].
3. Mitskevich A.V. *Akty vysshikh organov sovetskogo gosudarstva* [Acts of supreme public authorities of Soviet state]. In: *Iuridicheskaiia priroda normativnykh aktov vysshikh organov gosudarstvennoi vlasti i upravleniia SSSR* [Legal nature of normative acts of supreme public authorities of the USSR]. M., 1967, 175 p. [in Russian].
4. Davydova M.L. *Normativno-pravovye predpisaniia v rossiiskom zakonodatel'stve: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Statutory provisions in the Russian legislation: author's abstract of Candidate's of Law thesis]. Volgograd, 2001 [in Russian].
5. Pudovochkin Yu.E., Pirvagidov S.S. *Poniatie, printsipy i istochniki ugovnogo prava: sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [Definition, principles and sources of criminal law: comparative analysis of legislation of Russia and countries of the Commonwealth of Independent States]. SPb, 2003 [in Russian].
6. Markutsov S.A. *O sootnoshenii poniatii «ugolovno-pravovoi zapret» i «zapreshchaiushchaia ugovno-pravovaiia norma»* [About the relations between terms «penal prohibition» and «prohibitive criminal and legal norm»]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2013, no. 2, pp. 122–129 [in Russian].
7. Rogova E.V. *Differentsiatsiia ugovnoi otvetstvennosti* [Differentiation of criminal liability]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2014, no. 21, pp. 30–32 [in Russian].

8. Denisova A.V. *K voprosu o sisteme ugovnogo prava* [On the system of criminal law]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of Samara Academy for the Humanities], 2013, no. 1(13), pp. 90–102 [in Russian].
9. Yatselenko B.V. *Realizatsiia printsipov zakonnosti i viny pri kvalifikatsii prestuplenii s blanketnymi priznakami sostava* [Realization of the principles of legitimacy and guilt in the process of qualification of criminal offences with abstract features of corpus delicti]. *Vestnik Akademii General'noi Prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Vestnik of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation], 2016, no. 4(54), pp. 19–26 [in Russian].
10. Grachyova Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v primenenii ugovno-pravovykh norm: problemy i puti ikh resheniia: monografiia* [Judicial discretion in the process of application of criminal and legal norms: problems and ways of their solution: monograph]. M., 2011, 376 p. [in Russian].
11. Tuloglovich M.A. *Struktura ugovno-pravovoi normy: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Structure of criminal and legal norm: author's abstract of Candidate's of Law thesis]. Omsk, 2006 [in Russian].
12. Gubaeva T.V., Krasnov A.V. *Normy prava: teoretiko-pravovoe issledovanie: Monografiia* [Rules of law: theoretical and legal investigation: monograph]. M., 2014, 164 p [in Russian].
13. Konyahin V.P. *Teoreticheskie osnovy postroeniia Obshchei chasti rossiiskogo ugovnogo prava* [Theoretical bases of construction of the General part of the Russian criminal law]. SPb., 2002 [in Russian].
14. Garnatovich D.A. *Ugovno-pravovaia norma: poniatie i priznaki* [Criminal and legal norm: definition and features]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University], 2013, no. 4, pp. 38–43 [in Russian].
15. Klenova T.V. *Osnovy teorii kodifikatsii ugovno-pravovykh norm* [Bases of theory of codification of criminal and legal norms]. Samara, 2001, 387 p. [in Russian].
16. Obrazhiev K.V. *Strukturnoe stroenie sistemy formal'nykh (iuridicheskikh istochnikov rossiiskogo ugovnogo prava)* [Structure of the system of formal law sources of Russian criminal law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Russian Laws: experience, analysis, practice], 2013, no. 10, pp. 19–24 [in Russian].
17. Romashov R.A. *Teoriia gosudarstva i prava (skhemy i kommentarii): Uchebnoe posobie* [Theory of state and law (schemes and comments): tutorial]. SPb., 2000, 140 p. [in Russian].

*N.T. Idrisov**

ABOUT THE FEATURES OF STATUTORY PROVISION IN THE THEORY OF CRIMINAL LAW

In the article the author analysed the features of statutory provision, specially highlighted on the base of existing law theories definitions of statutory provision. The author gives his own opinion about the need or absence of need of highlighted features of statutory provision, points out the difference between terms «rule of law» and «statutory provision», given his own definition of statutory provision in its social and legal aspects.

Key words: statutory provision, rule of law, structure of rule of law, structure of criminal code, structure of law system, rule of conduct.

* *Idrisov Nail Talgatovich* (nail070@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.